

«ЛЮБОВЬ ЛЕТИТ СКВОЗЬ ВРЕМЕНА...»

(из сборника стихов В. Г. Маранцмана «Песни муз»)

Впечатления от встреч с Владимиром Георгиевичем Маранцманом, от воздействия его личности, влияния его идей и его слова оказались столь глубокими и долговременными, что и сегодня многие из нас, его учеников и последователей, живут этими впечатлениями, погружаются в воспоминания, одновременно светлые и горестные, испытывают потребность побыть в мощном, эстетически просвещенном мире его научных идей.

Воздействие личности, ума, таланта Владимира Георгиевича велико. Кому выпала удача общаться, говорить, слушать его, те помнят теплоту и трепетность чувств при мысли о встречах с Владимиром Георгиевичем; его свободолюбие, мужественность, мощь ума, напряженность мыслительного и эмоционального поиска; сочувствовали неизбежному одиночеству его как ученого — и многое другое, что трудно выразить словами. В жизни, трудах своих он не раз встречался с завистью, ленью. Кто-то так и не прочитал всерьез его книги или статьи. В тех же случаях, когда, читая, сталкивались с тонкими, сложными рассуждениями ученого, возникало раздражение: зачем (для школьника!) так усложненно...

Попытка запечатлеть на бумаге эмоции, мысли, согретые теплом встреч с Владимиром Георгиевичем, обусловлена удивлением и восхищением оригинальностью и масштабом, перспективностью его научных идей, воплощение которых в практике обучения в российских школах еще впереди.

Убеждена, что задача обобщения значимости трудов В. Г. Маранцмана еще не состоялась: слишком широк охват проблем, удивительно точно определены методологические линии литературного образования. При современной тенденции к упрощению, судьба его идей может быть еще драматичнее, чем прежде.

Научное значение его поисков, его ответов на насущные вопросы школьного обучения оказались гораздо важнее теории и методики преподавания литературы. По сути они определяют пути развития гуманитарного образования, для которого:

Чтение — это универсальный способ развития читателя, чтение как событие в личной жизни, как интеллектуальное усилие, как индивидуальный этико-эстетический опыт.

Чтение как способ понимать себя и мир; текст как макросистема со множеством смыслов, осваивать которую почти также увлекательно, как и

жить. Активизация эмоций, воображения, памяти, мышления — гарантия успешности освоения текстов различного типа.

Читатель свободен, но его свободное действие не спонтанно: оно регулируется задачей, целью; оно подчинено «собственной логике», порождаемой упорядоченной структурой текста.

Избыточность художественных примеров — условие свободного действия читателя. «Нам союзно лишь то, что избыточно...» — писал Мандельштам. Эта мысль превращена в педагогическую теорию и практику.

Самым мощным средством развития творческого человека является образность мышления как природная способность, что дает возможность успешно не только анализировать художественное явление, но и синтезировать впечатления, интерпретировать их.

В исследованиях В. Г. Маранцмана контекст научных отечественных и европейских работ всегда присутствовал, но не подавлял его собственную мысль, самое поразительное в которой то, как теории трансформировались в систему естественных (по отношению к произведению и читателю) вопросов, заданий, позволяющих понять прочитанное и выйти на эстетический уровень его освоения.

Не возьмусь объяснить, когда и почему сама методика В. Г. Маранцмана приобрела характер эстетический, этико-эстетический, т.к. он никогда не забывал о реальном, растущем читателе и очень бережно относился к нему. «Юный читатель конгениален поэту», — его любимая фраза.

И мы, его ученики, продолжаем вести с ним этот важный разговор — о судьбе школьного литературного образования, о значении гуманитарного образования в целом.

В моих воспоминаниях немало тех мимолетностей, которые, по истечении времени, оказываются не менее важными, чем научные идеи. Облик Владимира Георгиевича из этого и складывается, из этих картинок-эскизов...

Шел 1973 год... В. Г. Маранцман стал моим научным руководителем в аспирантуре. Еще работая в школе и вузе, я читала статьи Владимира Георгиевича в журнале «Литература в школе». Они и для того времени были задиристыми, смелыми, оригинальными, но для меня, учителя молодого и поэтому уверенного в себе, казались тоже слишком сложными. «Ученики никогда не смогут это выполнить...». Никогда не говори никогда. Только со временем я стала понимать, что ученики могут то, что может учитель. Действительно, все зависит от учителя. Во всяком случае, многое.

Запомнился не столько вступительный экзамен в аспирантуру (его принимали М. Г. Качурин, З. Я. Рез...), сколько сценка в фойе 20 корпуса Герценовского института на Мойке: у высокого окна мирно беседовали

В. Г. Маранцман и А. М. Докусов, которого я никогда не видела, но знала по работам. Так вижу их и сейчас: плотный, невысокий, с короткой шеей и остатками седых волос, с маленькими всевидящими глазами Докусов и рядом с ним высокий, чуть сутуловатый, увлеченный, эмоциональный Владимир Георгиевич...

Аспиранты кафедры методики литературы в Герценовском всегда толпились около него: интересно было узнать мнение о новой книге, о новом фильме, спектакле. Помню разговор о «Зеркале» А. Тарковского а 70-е, и о «Короле Лире» у Л. Додина в конце 90-х. Мы по-прежнему любили поговорить о событиях культурной жизни с Владимиром Георгиевичем. Сам о себе он написал в своих стихах:

Сам увлеченный читатель, Владимир Георгиевич вместе с героями книг познавал мир и спасался тоже стихами:

Я бал Ромео пылким по весне
И Гамлетом, скорбящим в море бед.
А ныне Лиром быть придется мне,
и вкус измен узнать на склоне лет.
...
Но я живу, утаивая стон,
И от стихов старинных мне светлей.

Большим событием в научной жизни методистов-словесников в 80-е гг. была докторская диссертация В. Г. Маранцмана, посвященная взаимосвязи восприятия и анализа произведения в школе.

В день защиты в аудитории на филологическом факультете была праздничная атмосфера, волновались аспиранты, студенты. Было много гостей — из вузов города, из Москвы приехали Н. Кудряшов и Н. Молдавская. Их работы знали все учителя страны. В перерыве перед голосованием многие ринулись к В. Г. Маранцману, но говорили не о диссертации, а радовались эффектной внешности его сына, Сережи (он еще был старшеклассником, Эвелина Михайловна, мама, скромно сидела в стороне). Не выдержав этого потока похвал, В. Г. Маранцман воскликнул: «Это лучшее, что я сделал в своей жизни!» Все засмеялись.

Ирония, юмор, изящная речевая и интеллектуальная нюансировка была присуща и его устной речи, его «Еще бы!» или «Конечно...» можно было понять точнее по интонации. Но когда речь шла об убеждениях, о методике литературы, об ученике-читателе, об учителе, — он был, при всей своей деликатности, несгибаем, бесстрашен. Лев по гороскопу, он вполне был им в боях за качество литературного образования в школе и вузе.

Таким он вспоминается, когда шли споры о программах и учебниках по литературе в конце 90-х годов. Его экспериментальные программы

по литературе для 5–11 классов, после тщательной корректировки в практике, легли в основу его уникальной линии УМК — «Академический школьный учебник» (первый в России).

Не все, может быть, знают, что его диссертация не была сразу утверждена (диво дивное! Научная работа — лучшая во II половине XX века). Прочитав рецензии из ВАКа, он, обратившись ко мне, с горечью сказал: «Посмотри. Поленились даже замечания серьезные сделать». Все это прошло. Но я знаю, что эти и другие раны, нанесенные его самолюбию, чувству достоинства, болели долго...

Выходили его книги, статьи. Их жадно читали все педагоги страны, стремились послушать его выступления на конференциях. Со всей страны ежегодно съезжались его ученики на Герценовские чтения.

В 1999 году Владимир Георгиевич приехал на фестиваль «Русская словесность», посвященный 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, в Нижний Новгород. Годы были сложные, трудностей немало. Но, задумав фестиваль как демонстрацию учительских дарований, мы не ошиблись еще и потому, что таланты тех, кто приехал на фестиваль, придавали размышлениям какую-то необъяснимо высокую, духовно просветленную ноту. Воодушевление всех объединило — и зал, и президиум, где были А. М. Шанский (Москва), Т. Г. Браже, Н. В. Тимерманис (Санкт-Петербург), А. С. Акбашева (Стерлитамак), А. Г. Прокофьева (Оренбург).

Как слушали Владимира Георгиевича! Он говорил о значимости художественных впечатлений в развитии школьника. Легко, точно, изящно он мог говорить о вариантах «Благовещения» в музеях Италии, об особенностях мелодий Верди, о рисунках Кузьмина к «Евгению Онегину»...

А. С. Пушкин — вообще особая тема в деятельности и жизни В. Г. Маранцмана. Любимый поэт. Любимая тема.

Студенты иногда удивлялись: «Как можно так много знать об одном стихотворении?» Было изучено всё. И написано о Пушкине для школы так, что лучше — нельзя. Можно только иначе. Но нужно ли...

Стихотворение «Эхо» — одно из таких. И эта симптоматично, ибо он ждал откликов, реакций на свои публикации.

Своеобразным «эхом» в памяти осталась поездка с В. Г. Маранцманом и Т. Г. Браже в Большое Болдино, в Макарьевский монастырь, на семинары и конференции в Москве, Н. Новгороде...

Удивительно, как реагировали на появление В. Г. Маранцмана разные люди — продавщица книжного магазина в Большом Болдино, угадав в Владимире Георгиевиче и Терезе Георгиевне настоящих ценителей высокой классики, нашла («только для Вас») то, чего не было на полках... Несколько «распутинских» старух, тогда еще живших во Львовке (сегодня тамлюдно; экскурсии, дачники) подойдя к дому, в миниатюре

повторяющем Больше-Болдинский дом-музей, с достоинством и несуетным интересом расспрашивали Владимира Георгиевича о его отношении к Пушкину, к его творчеству... И надо было видеть, как ранним утром по улочке вдоль музея (пыль, козы) со счастливым и чуточку торжественным лицом прогуливался Владимир Георгиевич.

То, что В. Г. Маранцман хорошо поет, пишет стихи, мы знали, но не слышали. Однажды, в Нижнем Новгороде, к встрече с преподавателями кафедры словесности и культурологии Нижегородского института развития образования мы приготовили ему сюрприз — замечательный хор Автозаводского Дома культуры восстановил полностью текст песни Якова Турка (Тургенев, «Певцы»). Многоголосие было отшлифовано отменно, звучала запись убедительно. С интересом выслушав и посмотрев фрагмент, Владимир Георгиевич быстро заговорил о чем-то другом, потом с удовольствием, после других музыкальных номеров, сам спел несколько песен на итальянском языке. А когда почти все разошлись, и за чашкой чая продолжались разговоры «о главном», он тихо сказал: «Песню Якова нужно все же петь одним голосом. Многоголосие здесь мешает». И он был прав. У Тургенева, во всяком случае, — так.

Статьи, книги, лекции В. Г. Маранцмана помогли понять, что чудо рождения крупной, эстетически выраженной мысли (как у художника, так и у читателя) является следствием напряженного, мучительного труда, признаком которого является противоречие, а следствием — его преодоление.

Одним из его любимых произведений был романс М. Глинки «Сомнение» (на слова Дельвига). Мучения-страсти бушевали в его душе. Поразительно — он сумел превратить не только свой труд педагога, но и жизнь свою в предмет творчества. Поэтому были нужны стихи, поэтому нужен был Данте.

У него интерес к культуре Италии вырос до переводов произведений Петрарки, Родари, Данте... Еще в мои аспирантские годы (1972, кажется, год), Владимир Георгиевич попал в больницу. И там он начал изучать итальянский язык. Шли годы... Когда появился перевод «Божественной комедии» (второй по сути среди законченных, наиболее удачных переводов в XX веке) реакция была очень скромной: маленькая заметка в «Литературной газете», предисловие сурового Гаспарова, удивленно-недоуменные реакции сослуживцев, аспирантов, студентов... Но стоит только прочесть предисловие «В поисках созвучий», как понимаешь, что для Владимира Георгиевича любовь к русской классике обернулась открытием великих истин Данте. И оказалось — исторически! — что взаимосвязь мотивов, образов с поэзией Пушкина, Лермонтова неслучайна. Встреча была предопределена. Труд этот Владимира Георгиевича еще не осмыслен по значимости в истории литературы.

Вспоминается волнение В. Г. Маранцмана на Международной научной конференции, посвященной его 70-летию. Он был в строгом костюме и чуточку растерян — все шло под руководством его учеников, как бы само по себе. Говорили о нем — в его присутствии. Ученики и последователи Владимира Георгиевича со всех регионов страны, из Болгарии и Италии, Литвы и Эстонии, Украины и Белоруссии смогли говорить о деле, о судьбе научных идей, их развитии, о литературе в школе, о русской классике с верой в возможности юных читателей. Этот подход Владимир Георгиевич ценил больше всего.

Павловск. Он очень любил парк, его аллеи. В учебных фильмах для гимназий Санкт-Петербурга в начале XXI века запечатлены его замечательные сюжеты: «Труд писателя», «Портрет дерева», «Времена года»... Многие сцены сняты в Павловске.

В одном из них («Портрет дерева») есть фрагмент, в котором В. Г. Маранцман читает стихотворение Тютчева «Ива», беседует о строчках его, подчеркивая значимость отдельных слов-концептов, связывая эти строчки ассоциативно с другими («О, эта Ницца...»), выделяя такие слова: «Жизнь, как подстреленная птица, подняться хочет, но не может» Нет! Как и поэту, Владимиру Георгиевичу удалось преодолеть многое, взлететь. Нельзя забывать главное в его трудах. Он всегда видел, как и любимый им Данте, «звезды над каждым кругом» жизни. Его идеи в методике литературы, опередив время, сегодня помогут устоять в школе русской классике. Да и методике литературы как науке тоже.